

Собственное мнение. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Собственное мнение. Даниил Александрович Гранин

Заносчивое упорство молодого инженера раздражало и в то же время странно привлекало Минаева. Ни на одно из требований Ольховский не соглашался. Грязными, тонкими пальцами он поминутно хватал крышку чернильницы на столе у Минаева и водил ею по стеклу. Неприятный, пронзительный скрип сливался с неприятным смыслом слов, произносимых Ольховским, и впечатлением от его статьи, такой же неприятно резкой. В сущности, статья больше всего раздражала своей неопровержимой правотой: Ольховский убедительно доказал неэкономичность новых двигателей конструкции академика Строева. Такую статью Минаев не мог разрешить печатать. Бесплезно было объяснять этому мальчишке, что критика академика Строева вызовет множество осложнений и в работе института, и для самого Минаева, еще не утвержденного в должности директора.

– Дружески прошу: выкиньте все насчет Строева, – мягко сказал Минаев. – И в критической части там тоже амортизация нужна, тогда легче будет напечатать.

Ольховский вскочил, изогнулся, бледное лицо его порозовело, пальцы сжались в кулаки.

– О чем же тогда будет моя статья? Ни о чем! – воскликнул он тонким голосом. – Поймите, ведь они поведут к пережогу тысяч тонн горючего. Как же вы так... – Прямые брови его недоуменно поднялись. – Нет, нет, никаких переделок. Ни за что, Владимир Пахомович, это же беспринципность!

«Молодец», – подумал Минаев. В позе Ольховского было что-то удивительно знакомое... И вдруг перед глазами Минаева возникла давняя, забытая сцена, когда он вот так же, изогнувшись, сжимая кулаки, кричал звенящим ломким голосом... Были и у него когда-то лохматые волосы и на лацкане потрепанного пиджачка такой же комсомольский значок. Воспоминание было трогательным, но оно никак не отразилось в притушенном взгляде его глаз, устало полуприкрытых тяжелыми веками. Бугристое, энергичное лицо его прочно хранило в углах губ ту неопределенность выражения, которую вольно было разгадывать по-всякому.

– Любите вы все брэнчать этим словом – принципиальность, – холодно сказал Минаев. – А вы попробуйте реализовать ее. Заработайте-ка право и средства реализовать ее. Да, товарищ Ольховский, – со злым удовлетворением повторил он, – осуществляйте, а не объявляйте. Ради этого приходится кое-чем жертвовать.

Ольховский наклонился над столом. Густые волосы свесились. Из-под них на Минаева яростно смотрели блестящие глаза.

– А вы как, Владимир Пахомович, добились вы уже права быть принципиальным?

Вопрос возмутил Минаева какой-то свойской, никогда не звучавшей в этом кабинете наглостью. Улыбнувшись той благодушно-дружелюбной улыбкой, которая выручала его в трудные минуты, он снисходительно сказал:

– Осторожнее, вы опрокинете чернильницу.

Ольховский покраснел и отодвинулся.

– Ну, вот видите, – продолжал Минаев, – важно вовремя остановиться.

От этого разговора у Минаева осталось тягостное ощущение. Ладно, сейчас важно одно – приказ об утверждении, тогда можно будет помочь Ольховскому, тогда не страшен и Строев, перед кем угодно можно отстаивать свое мнение. Недостаточно иметь еще и соответствующее положение... Мысли эти привычно успокаивали, они услужливо появлялись всякий раз после неприятного виража.

Вскоре по поводу статьи Ольховского пришел запрос, подписанный инструктором горкома партии Локтевым. К запросу было подколото письмо Ольховского. Прочитав письмо, Минаев рассердился: «...трусливая политика Минаева укрепляет строевскую аракчеевщину... На такой должности пора позволить себе „роскошь“ защищать свое мнение...» – смотри, как распоясался умник.

Минаев сам написал ответ, лаконичный, корректный и в то же время убийственно ядовитый, до отказа используя хорошо известную ему подозрительность Локтева. Ольховский представал мнительным, неуживчивым, отнимающим у людей время своими вымогательствами, работа его – спорной, некорректной. Местами получалось голословно, но Минаев знал: чем голословнее, тем убедительнее. Подписывая бумагу, он неловко царапнул пером, и от этого скрежещущего звука поморщился... Ну и что ж, не мог же он накануне свершения всех своих надежд рисковать из-за упрямства этого мальчишки. Ольховский сам вынуждает его писать такое. Ничего, ничего, потом он все это исправит. И он присоединил дело Ольховского к серии дел, отложенных до назначения.

Петрищева, заместителя министра, Минаев глубоко уважал, и, вероятно, поэтому его приезд в институт не обрадовал Минаева. В присутствии Петрищева Минаев всегда испытывал непонятное и стесняющее чувство какой-то опасности. Правда, это совершенно ненужное чувство нисколько не мешало Минаеву улыбаться, шутить, порой его даже изумляло, с какой налаженной независимостью от него самого действовали мускулы его лица, голос, руки.

Минаев водил Петрищева по лабораториям, знакомил с тематикой их работ, выслушивал замечания, и хотя те же самые замечания Минаев сам высказывал своим подчиненным, тем не менее просил референта записать их, считая, что такое внимание приятно Петрищеву.

В одной из лабораторий, показывая вибратор, Минаев увидел, как Ольховский протолкался к заместителю министра. Он был бледнее обыкновенного. Острый подбородок вздрагивал. Широко открытые черные глаза его смотрели с надеждой и страхом. Каждая минута ожидания убавляла решимость Ольховского, и, понимая это, Минаев включил установку. Воющий гуд фонтаном взметнулся к потолку и осыпался, затопив комнату плотным шумом. Минаев угрожающе посмотрел на Ольховского, пытаясь остановить его, показать, как не вовремя он суется со своей просьбой. Ведь осталось подождать всего какую-нибудь неделю. Эгоизм Ольховского возмутил его, но когда Ольховский наконец заговорил, Минаев успокоился.

Вместо того чтобы сразу изложить суть дела, Ольховский, путаясь в длинных заготовленных фразах, начал про истоки консерватизма, систему ответственности, – никто не мог понять, чего он хочет. Во взгляде заместителя министра Минаев поймал сочувственное внимание, и ему вдруг стало стыдно за Ольховского. «Ну чего он тянет, теоретик сопливый, балда, – мысленно выругался Минаев. – Какая бестолочь! Сейчас его прервут.»

– Простите, – сказал Петрищев, – что, собственно, вы просите?

Ольховский растерянно умолк, продолжая беззвучно шевелить сухими губами. Минаев опустил глаза. Господи, какой неумелый мальчишка! Ольховский полез в карман, рывком выдернул затрепанную на сгибах рукопись и стал совать ее Петрищеву. Заместитель министра расправил свернутую рукопись, внутри лежал измятый, в табачных крошках рубль. Кто-то прыснул, заместитель министра не выдержал и, протягивая рубль Ольховскому, рассмеялся. И сразу кругом засмеялись. Ничего обидного в этом смехе не было, в таких случаях надо засмеяться вместе со всеми, пошутить, но Ольховский пятнами покраснел, нелепая застенчивая улыбка перекосила его лицо, казалось, он сейчас разрыдается.

– Я вас прошу, разберитесь сами, – быстро заговорил Ольховский с тем отчаянием, когда уже все равно осталась последняя минута и можно говорить все. – А то вы пошлете... Вот я Владимиру Пахомовичу...

– Обязательно разберемся, – подчеркнуто спокойно и неторопливо сказал заместитель министра.

Когда вернулись в кабинет Минаева, Петрищев спросил, что за рукопись дал ему этот молодой инженер.

Раскрывать свои опасения относительно Строева было бы неразумно, поэтому Минаев начал так:

– Рукопись... – потом сделал паузу. – Пожалуй, лучше меня может оценить ее

Собственное мнение. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
начальник отдела, где работает Ольховский.

«Я не могу иначе», – оправдываясь, подумал он, заранее представляя все, что произойдет.

Начальник отдела отметил интересные методы расчета, сделанного Ольховским, и тут же оговорился – нужна тщательная проверка, без всей этой фронды, шумихи, жалоб, писем... Он старался ничем не повредить Минаеву и в то же время соблюсти объективность по отношению к Ольховскому.

– Вот уж никак не ожидал, что он такой скандалист, – удивился Петрищев.

– Я с ним учился в университете, – сказал референт Минаева. – Он всегда был какой-то... – Референт повертел пальцем у виска.

Минаев знал, что референт говорит так, потому что считает, что Минаев хочет, чтобы он говорил так, но все же это было слишком.

– Есть, конечно, у нас такая категория, – сказал заместитель министра. – Строчат, требуют комиссии, идут на таран. А потом оказывается – форменный бред. Но есть люди, которых подводят под категорию бредоносцев... – Он нахмурился, вспоминая, очевидно, что-то свое.

– Как бы там ни было, сама проблема стоит того, чтобы ею заняться, – поспешно сказал Минаев с той грубоватой независимостью, которую Петрищев любил.

Петрищев согласился, как бы вручая ему судьбу рукописи. И хотя это доверие было приятно Минаеву, оно вызвало у него смутное чувство вины. Минаев успокаивал себя: никакого морального долга перед Петрищевым у него нет. Петрищев согласился вынужденно, не мог же он высказать недоверие к человеку, которого собрался утвердить директором. Ничего не поделаешь, вы заставляете, но и вас заставляют, такие обстоятельства пока что встречаются.

Теперь, когда вопрос был решен, ему вдруг стало жаль Ольховского. В сущности, Петрищева убедили, что Ольховский – скандалист и вредный чудак. Это нехорошо. Губим парня только за то, что он так неумело отстаивает свою правду. Так нельзя.

С каким удовольствием он отшвырнул бы к черту всякие свои расчеты и соображения и сказал бы все, что думает про шумиху, поднятую Строевым. Но губы его оставались твердо сжатыми; сидя в кресле, он слушал рассуждения заместителя министра, и грузное лицо его изображало невозмутимое внимание.

Став директором, Минаев за ворохом новых дел забыл про Ольховского, и лишь запрос из главка напомнил ему эту историю. К запросу опять было приложено письмо Ольховского – ожесточенно и неумело он продолжал безнадежную борьбу. По своему простодушию Ольховский пренебрегал пишущей машинкой, и поэтому даже внешний вид этих писем, на листках ученической тетрадки, исписанных детски круглым почерком, настраивал читателя несерьезно.

Первые абзацы Ольховский выводил тщательно, затем буквы ложились все более косо, строчки торопливо загибались, и Минаев был уверен, что никто, кроме него, не дочитал этого письма.

С яростной наивностью Ольховский обрушивался на систему публикации научных работ. «У нас воцарилась пагубная „ответственность с одного бока“, – писал он, – какой смысл печатать острую или спорную научную статью, за нее может нагореть, придется отвечать, а отклони эту статью – и никто тебя к ответу не притянет...»

«Наконец-то, допер», – думал Минаев. Судя по всему, парень через свои синяки и шишки чему-то научился. Ольховского возмущала уже не столько судьба его собственной работы, сколько природа той вязкой, непробиваемой преграды, на которую он наткнулся впервые в жизни. Гнев делал его мысли более зрелыми и глубокими. С раскаянием Минаев улавливал в них нотки озлобления и порой отчаяния. Он медлил отвечать в главке, собираясь на досуге продумать способ как-то помочь Ольховскому. Выработанное годами чутье удерживало его от поспешного выступления против Строева. Следует укрепиться, выждать момент... Доводы эти удивили Минаева – вот наконец он стал директором, и, выходит, ничего

Собственное мнение. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
не изменилось...

На партийном собрании Ольховский попросил слова и стал разносить инструктора горкома Локтева – за полное непонимание характера научной работы, за «трупное равнодушие к живой мысли...» Безрассудство Ольховского встревожило Минаева – все, что говорил Ольховский, было правдой, только Ольховский не учитывал, что именно в силу своей бездарности Локтев не оставлял безнаказанным ни одного выступления против себя. Рано или поздно он находил удобный случай подставить ножку, нашептывал, распространял слухи. Не гнушался никакими средствами.

Слыша, как Ольховский бесстрашно атакует явно сильнеего противника, Минаев испытывал жалость и сочувствие. Он даже досадливо крякнул: жаль-то жаль, а пособить вроде и нечем. Слишком далеко в своей борьбе зашел Ольховский, открыто поддержать его – означало вступить в конфликт со многими влиятельными людьми. В глубине души Минаев остро завидовал безоглядной свободе Ольховского – терять ему было нечего, расчетливость, вероятно, казалась ему малодушием, а терпение – слабостью.

На следующий день после собрания Минаев положил запрос и письмо Ольховского в папку референту для ответа. Вечером референт, гладко причесанный молодой человек с бледно-желтым лицом, в очках с такой же бледно-желтой оправой, бесшумно ступая на толстых каучуковых подошвах, вошел в кабинет и дал ему на подпись бумагу, отпечатанную на бланке с красивым штампом института. Туманно доброжелательный стиль ответа лишил всякого повода к протесту и оставлял право тянуть с решением неопределенно долго.

Минаев с любопытством посмотрел из-под усталых полуприкрытых век в бесстрастное лицо референта.

– Какого вы мнения об Ольховском? Все же он способный парень?

– Да, – сказал референт, наклонив гладко причесанную голову, – он способный.

«А что бы ты, друг любезный, написал, сидя в моем кресле?» – хотелось спросить Минаева. Но он умел разбираться в людях и поэтому сказал, сохраняя вопросительную интонацию:

– Сейчас-то вам просто, а будь вы на месте академика Строева...

Впервые Минаев увидел, как его референт оживился и как-то по-молодому лихо почесал голову, нарушив блестящий причесок.

– Владимир Пахомович, я бы напечатал, не задумываясь... Ведь такая экономия...

– Ага, почему же вы готовите мне такие ответы, – быстро спросил Минаев, – ведь это расходится с вашим мнением? Почему вы поступаете, как Молчалин?

Референт медленно, с силой пригладил волосы.

– Я пишу так, как вы хотите, чтобы когда-нибудь писать так, как я считаю нужным. – И он твердо посмотрел в глаза Минаеву.

– Ого! И вы надеетесь, что это когда-нибудь случится? – задумчиво усмехнулся Минаев. Вынув из стаканчика толстый синий карандаш, он размашисто подписал бумагу.

Ольховский больше ни разу не обращался к Минаеву. Несколько раз Минаев встречал его в коридорах института. Ольховский проходил, угрюмо опустив голову, длинные руки его висели, словно чужие. Минаева тянуло остановить его, поговорить по душам, кое-что посоветовать, надо набраться терпения, вот скоро Минаев поедет на коллегию министерства, там будет случай кое с кем потолковать... Но он чувствовал, что Ольховский не поймет его, и это было обидно: Минаеву хотелось доказать, что он не виноват, что от него зависит немного.

Накануне отъезда на коллегию Минаева вызвали в горком. Он знал, что Локтев добивается увольнения Ольховского. В конце концов, кто такой Локтев? Всего лишь инструктор горкома. Какое он имеет право вмешиваться в мои дела? Если бы нужно было уволить Ольховского, я бы сам это сделал. С какой стати я должен потакать

Собственное мнение. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru мелкому уязвленному самолюбию этого деятеля? Нет, хватит. Локтев мне не начальник, и не ему мною командовать. Другое дело, если бы секретарь горкома, а то инструктор! Вышел я из того возраста, товарищ Локтев, да и положение не то... Так он и скажет: и положение не то – более чем ясно. Он мысленно повторил последнюю фразу – многозначительно, с легкой усмешкой. Подъезжая к зданию горкома, он машинально провел рукой по гладко выбритому подбородку, поправил галстук и тут же спохватился, негодуя на себя за этот привычный жест. Довольно, пришла пора, когда он может позволить себе оставаться самим собой, он ничем не хуже других директоров. Особенно в этом случае он может, он должен вывести Локтева на чистую воду. Ступая по широкой лестнице горкома, идя по просторному длинному коридору, Минаев высоко поднимал голову, в чертах его грузного лица вместо привычной затаенности проступала жесткая решимость.

Он вышел из горкома через час. Начинался дождь. Мелкие капли покрыли рябью асфальт. Минаев долго стоял возле машины. Бесчисленные влажные крапинки вспыхивали на сером асфальте. Капли падали на летнее пальто Минаева, он ощущал плечами их легкую дробь.

– Садитесь, Владимир Пахомович, – сказал шофер.

Минаев поднял голову, удивленно посмотрел на него.

– Вы поезжайте, – сказал он и захлопнул дверцу машины.

ЗИМ отъехал, место его стоянки четко отпечаталось на асфальте. Минаев смотрел, как дождевые капли пятнали светлый сухой прямоугольник.

– Поезжайте, – повторил он, прислушиваясь к своему голосу.

Он пошел вперед. Куда бы он ни шел, это все равно считается вперед. Он мог идти к площади, мог свернуть на набережную. Единственное, что он не мог, это вернуться в горком. Что бы он себе ни говорил, как бы он себя ни убеждал... Редко выпадали в его жизни случаи, когда ему приходилось оглядываться на самого себя. Нет, не то: о себе он думал достаточно, он старался предусмотреть каждый свой поступок, контролировал свои слова, но думать о том, почему он делал так, а не иначе, ему было некогда. Начинается тягостная психология... Натренированная ловкость, с которой он и сейчас увлекал себя прочь от опасных размышлений, позабавила его. «А что произошло в горкоме?» – неожиданно спросил он себя. Локтев грубо и откровенно предложил перевести Ольховского на опытную станцию в Николаев. Слушая Локтева, он спрашивал себя, по какому праву этот угрюмый недоучка, с мертвенным, каким-то прошлогодним лицом, никогда ничего не создавший и не способный создать, сидит здесь и распоряжается судьбами таких людей, как Ольховский? Даже для вида не спросил про строевские двигатели, в чем тут суть проблемы. Он был твердо уверен, что Минаев сделает так, как хочет он, Локтев. Откуда взялась у него эта гнусная уверенность? В горкоме его называли Угрюмбурчеев и побаивались связываться с ним.

По реке густо шел последний лед. Местами река была вся белая, как замерзшая. Льдины напоздали на гранитные быки моста и мягко трескались, угловатые обломки, кружась, исчезали в пролетах. Перегибаясь через перила моста, Минаев смотрел вниз. Казалось, льдины стоят на месте, а движется мост. От черной воды тянуло холодом, искристые длинные кристаллы льда звенели, ломаясь о гранит, и, мерцая, уходили под воду. Сделав над собой усилие, Минаев оттолкнулся от перил. В груди у него закололо, и сразу стало жарко. Сняв шляпу, он рукавом вытер пот. Холодные капли дождя обжигали горячую кожу.

Он почувствовал себя старым и навсегда усталым. Он вдруг увидел себя со стороны – обрюзгший, лысый мужчина, сутулясь, пришаркивая, идет по мосту, стиснув в руке шляпу. Боже, как быстро он состарился! Когда же это случилось? Он, Володя Минаев, запевала школьного хора, секретарь факультетской ячейки... Ему вдруг стало страшно – неужели он уже старик?

С пугающей явственностью возник перед ним Володя Минаев, яркоглазый, с прыщавой цыплячьей шеей, таким, каким он пришел на «Сельхозмаш». Ты помнишь ту историю с подвеской мотора? Пожалуй, с этого началось? Он помнил. Начальник цеха сказал ему: «Тебе, Минаев, еще рано высовываться. Куда ты лезешь со своими силенками против главного конструктора? Он тебе все будущее закроет. Что ты есть? Мастер.

Собственное мнение. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Таких глотают, не разжевывая». Он помнил свое унижительное бессилие, когда главный конструктор, прихлебывая чай, выслушал его страстную речь и сказал, умышленно перевирая фамилию: «Послушайте, вы, Линяев, если вы сунетесь еще раз с этим абсурдом, я вас выкину с завода. Идите». Вместе с друзьями он еще пробовал сопротивляться, ходил, доказывал. Все было напрасно. Они могли убить на эту безнадежную борьбу три, пять... десять лет и ничего бы не добились. Их было трое. Сперва уволили с завода одного, потом другого. Очередь была за Минаевым. Тогда он сделал вид, что смирился. Он утешал себя: это временно. Надо пойти в обход, сперва добиться независимости, авторитета, а потом громить этих бюрократов. Стиснув зубы, он продвигался к своей цели. Его назначили заместителем начальника цеха. Он приучал себя терпеть и молчать. Во имя того дня, когда он сможет сделать то, что надо. Он поклялся себе – все стерпеть. Он поддакивал тупым невеждам. Он голосовал «за», когда совесть его требовала голосовать «против». Он говорил слова, которым не верил. Он хвалил то, что надо было ругать. Когда становилось совсем тошно, он молчал. Молчание – самая удобная форма лжи. Оно умеет ладить с совестью, оно оставляет лукавое право хранить собственное мнение и, возможно, когда-то сказать его. Только не сейчас. Не в должности начальника цеха, и не начальником техотдела, и не главным инженером завода. И не на защите диссертации. Еще рано. Всякий раз было еще рано! А список его долгов рос. Жизнь осталась новыми идеями, сталкивала с новыми препятствиями. Сколько таких Ольховских осталось позади!.. Неустанно, как муравей, он возводил здание своего положения, стараясь сделать его еще крепче. Зачем? Чего он добился? Чем выше он забирался, тем меньше он оставался самим собой. Тем труднее было ему рискнуть. Что мешало ему? Почему другие могли?.. Почему Петрищев мог – его несправедливо наказывали, понижали, снимали, а он всегда шел напролом, своим путем и побеждал? Нет, ему, Минаеву, ничего не мешало, просто так ему было легче. Он считал, что так легче. И когда Локтев, помахивая копией его ответа на запрос горкома, упрекнул его в двоедушии – «пишешь одно, а говоришь другое, что ж прикажешь докладывать секретарю?», – он понял, что Локтеву нечего стесняться, он имеет право быть откровенным, и сейчас надо уступить, так легче.

Все то, что предлагал Локтев, было подло, насквозь подло, но Минаева поразило другое – Локтев, по крайней мере, говорил то, что хотел. Локтев и Ольховский. Все остальные люди, связанные с этим делом, – все они думали одно, а говорили другое. Все, начиная с самого Минаева и кончая его референтом. Каждый из них по-своему лицемерил, лгал, и, вероятно, поэтому Локтеву можно было уже не лгать.

«Какой подлец! – с ненавистью думал он, глядя в пустые глаза Локтева. – Гнать его в шею из горкома! Не то что из горкома, из партии надо гнать таких. Злобное ничтожество. Ведь если его выгнать отсюда, его даже в продавцы не возьмут.» Чем сильнее он ненавидел и презирал Локтева, тем спокойнее он отговаривал его, а когда Локтев стал настаивать и угрожать, он попросил отложить вопрос на несколько дней. Трезво оценив всю сумму неприятностей, которую способен причинить ему Локтев, он надеялся в Москве заручиться поддержкой.

– Только ты не тяни, – сказал Локтев, прощаясь. – Сам писал, что Ольховский – склочник. Надо очищать институт, оздоравливать атмосферу.

«Ах какая сволочь!» – подумал Минаев и крепко пожал руку Локтева.

В Москве, на коллегии, институту досталось за невыполнение плана, и хотя в большинстве претензий виновато было само министерство, возражать не имело смысла, поскольку Минаева считали человеком новым, и все упреки списывались на прежнее руководство. Зато благодаря этой тактике Минаеву удалось выпросить валютное оборудование. В этом щекотливом вопросе просьбу института поддержал академик Строев, и после этого Минаеву было неудобно заговаривать о деле Ольховского. Суматоха московской командировки оттеснила это дело, ставшее здесь, в Москве, каким-то маленьким, и всплыло в памяти оно только в поезде, когда Минаев остался один в купе полупустого спального вагона. Виноват, наверное, был дождь. Он начался незаметно, покрывая окно косыми мелкими блестящими. Крохотные капли зигзагами пробирались вниз, вбирали в себя капли, сливались такими же каплями и рывками все быстрее скользили вниз. Вспомнив обещание, данное Локтеву, Минаев вздохнул – вероятно, он там рвет и мечет, ничего не поделаешь, придется переводить Ольховского в Николаев. Временно, пока улягутся страсти.

На фоне густой черноты ночи двойное зеркальное стекло отразило грузную фигуру в розовенькой полосатой пижаме, отечное лицо с папиросой в углу твердо сжатого рта и еще одну, более смутную фигуру, всю в блестящих каплях дождя. Папиросный дым, касаясь

Собственное мнение. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru холодного стекла, стлался сизыми льнущими завитками. Сквозь них из черной глубины окна, там, за вагоном, на Минаева смотрел тот, молодой, в намокшей кепке, в потертом пиджачке студенческих времен. Струйки воды стекали по его бледным щекам, по тонкой цыплячьей шее.

«Что же ты, папаша, опять откладываешь, сколько можно, неужели ты совсем не личность?» – «А между прочим, для всех весьма серьезная личность. Я считаю с реальными обстоятельствами, легко требовать, когда внизу.» – «Ты обещал поступать по-своему, когда назначат директором. Потом, когда укрепишься, а теперь...» – «Как будто директор – это бог. Я связан по рукам и ногам. Если бы я работал в министерстве, тогда я бы не зависел от Локтева, я мог бы...» – «Подумаешь Локтев, что тебе его угрозы, надо было пойти к секретарю горкома, в конце концов мог обратиться в ЦК, ты же был там.» – «Я честно делал и делаю что могу. И с Ольховским тоже все обойдется, верну его.» – «Не вернешь, да его уже и не будет, того Ольховского, будет Минаев, он превратится в Минаева, ты предаешь нас обоих... Как я мог поверить тебе?» – «Демагогия. Безответственная болтовня. Если я сейчас уступаю, так это только для того, чтобы иметь возможность поддержать не одного Ольховского. На моих плечах большой институт, там есть десятки таких, как Ольховский, которых я могу защитить, поэтому я не имею права...»

И был еще третий Минаев, невидимый, который с любопытством слушал, как директор убедительно, степенно отражал наскоки молодого, фактами доказывая неизбежность случившегося, и вроде успокоил, пообещав выручить Ольховского, вернуть его, лишь только сойдутся обстоятельства. Был он вполне искренен, не ловчил, но тот, невидимый, третий, знал – обстоятельства нужным образом никогда не сойдутся, игре этой не виделось конца. Он всегда будет стремиться стать самим собой завтра. Однако третий этот, невидимый Минаев, не ввязывался в их спор, никого не уличал, он ничего не произносил, он-то знал, что вряд ли уже директору удастся когда-нибудь поступать так, как он хочет, и что этот невидимый Минаев и есть тот настоящий, про которого никому не суждено узнать. И то ладно, что есть и не погасло значит, утешался он. Другие напрочь придавили это в себе. Бог знает, сколько в нем расщепилось разных Минаевых, и никак они не могли соединиться в одно.

Гибкие плывущие пряди дыма затуманивали мокрое лицо, там за стеклом оно уплывало в черноту ночи вместе с прошлым. Куда уходит прошлое? Единственное, что осталось, – это ощущение ожидания, вспоминалась не работа, а ожидания, которыми, оказывается, были залеплены все эти годы. Непрестанное ожидание – чего?.. Он усмехнулся и придавил папиросу.

Утром на вокзале Минаева встретил референт. Тщательно заматывая шарф, Минаев слушал институтские новости.

– Да, кстати, – спросил он, – Локтев из горкома не звонил?

– Звонил, дважды.

– То-то и оно, – сказал Минаев.

Они медленно двигались в толпе по мокрой платформе, мимо вагона, в котором приехал Минаев. Запыленные стекла его купе ничего не отражали, сквозь них в сумрачной глубине виднелась смятая постель, грязная пепельница, полная окурков. 1982

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!